

СНЫ О «ЮНОСТИ»

Андрей Дементьев — кентавр. Человеко-журнал. Журнало-человек. Нельзя говорить о «Юности», не говоря о Дементьеве. Нельзя говорить о Дементьеве, не говоря о «Юности». Не оторвать. Мы говорим «Юность» — подразумеваем...

...м вроде просто разговаривать и в то же время сложно. Потому что за спиной человека, потягивающего чай, — неотступная тень журнала. И что бы ни сказал Дементьев, журнал обязательно подправит, подредактирует. Он — зеркало Дементьева. В нем все отражено — не спрячешься.

Понимаю, что Дементьев обижается. Он поэт, издавший 20 книг, имеющий собственное поэтическое имя и своих читателей. Многие считают, что читатели эти не относятся к читательской элите. Может, это и так. Но в эпоху, когда поэты все больше пишут в пустоту, а сборники остаются девственно нераскрытыми, наличие читателя — благо. Тем более что пойди сегодня разберись, кто у нас элита. Так вот, Дементьев обижается, что я все о журнале и о журнале, как будто поэтам уж и о стихах поговорить зазорно. Но я ничего не могу поделать с этой тенью, стоящей у него за спиной. Тенью уже почти трагической, поскольку Андрей Дементьев больше не редактирует «Юность». Ушел...

— Как решились-то, Андрей Дмитриевич?

— Мне это было нелегко. Ведь проработал в журнале 21 год. Из них 11 — главным редактором. Я еще чисто биологически продолжаю жить этой жизнью — звонками, встречами, рукописями, ожиданием новых литературных открытий. Всегда считал своим главным призванием поэзию. Но в журнал вложил все лучшее, что во мне было. Он стал смыслом моей жизни.

— И вдруг...

— Нет, не вдруг. К этому уходу я готовился исподволь. Мог, кстати, и не уходить. Ведь не так давно меня единогласно избрали не только главным редактором, но и председателем правления создающегося товарищества «Юность». Но с какого-то момента я понял, что наступило время других людей, другого подхода к жизни и литературе, время, которое должно быть отражено людьми, не отягощенными тем знанием и тем опытом, которым отягощены мы. И мне кажется, что я даже опоздал. Журнал ушел от меня раньше, чем я от него. Не дождался. И, может быть, только теперь своим уходом я догнал его, мы вновь стали ровней.

— В последнее время, насколько я знаю, вы пытались омолодить редакцию, ввести в нее новых людей.

— Да, но ничего не вышло. Увы. А без молодых у журнала нет будущего. Да и название «Юность» обязывает.

— Но где-то полгода назад неожиданно для нас, читателей, в «Юности» возник конфликт, выплеснувшийся за рамки редакции. В результате журнал покинула группа сотрудников, среди которых были и молодые. То есть произошел взрыв. Не этой ли взрывной волной выбрасывает сейчас и вас?

— Нет, не этой. Скажу вам честно: я готов был уйти еще тогда, но не видел, кому отдать журнал: среди них не было настоящего лидера. Тем не менее его надо искать среди молодых. Пусть на меня не обижаются люди моего поколения, но они все больше напоминают мне деревья, обвитые лианами. В разговорах шестидесятников слышу в основном воспоминания. Как было хорошо, когда нам было 20, 30, 40 лет. И это естественно. Но разве можно что-нибудь сделать, постоянно оглядываясь назад? Если хотите, мой уход из журнала — своеобразный призыв к коллегам с которыми

ми в нем долго работал, поступить так же.

— Помню, еще в семидесятые годы, когда меня и моих товарищей очень вежливыми пинками выпроваживали из дела поэзии, я все равно считал журнал своим и ни минуты не сомневался, что мои первые подборы появятся именно в нем. Так и вышло. Он был своим еще и потому, что по коридорам редакции всегда бродили толпы творческого люда, спорили, читали стихи, строили коллективные планы восхождения на литературный Олимп. Словом, жизнь кипела. Теперь стало заметно тише.

— Потому что умерла легенда. Ведь «Юность» обладала не просто традициями. Она обладала легендарными традициями, заложенными еще первым редактором, Валентином Катаевым. Насколько было возможно, легенда сохранялась и при Борисе Полевом, и в последнее десятилетие. Помните, сколько было открыто имен! Бывали времена, когда после первой публикации в «Юности» человек на следующее же утро просыпался знаменитым. Страницы журнала были пропуском в большую литературу. Теперь этого не происходит.

— А может быть, не в журнале дело? Ведь наше время — время развенчания мифов и легенд. Вы же сами принимали в этом процессе активное участие. Сами и стали его жертвой.

— Наверно, это так. На каком-то этапе я почувствовал: все, что происходит в стране, будет происходить и во всех маленьких организациях, эту страну составляющих. Распри, дебри всего и вся, распад и даже хаос. Во всем этом вареве и растворилась наша легенда, к созданию которой и я был причастен. Ее не возродить. Но и без нее нельзя. Поэтому должны прийти новые люди, способные создать новую легенду. Иначе журнал умрет.

— Но ведь вам во второй половине восьмидесятых удалось вновь изменить лицо журнала, совершить резкий поворот, после чего на его страницах появились В. Аксенов, В. Войнович, Ф. Горенштейн, А. Мень, А. Синявский, Л. Разгон, другие «непечатные» авторы. Вторглись на страницы поэты и прозаики «новой волны». Причем еще существовала цензура и каждая вещь пробиравалась с огромным трудом. Но тогда же вам достало сил перевести стрелку. А теперь что? Как в вашем же стихотворении?

— Все кончено... Жизнь на исходе. И, кажется, это всерьез. Как будто я старый заводик. И надо заводик на снос.

— К перелому второй половины восьмидесятых я был все-таки готов. Нет, мне тоже приходилось себя ло-

*Как важно вовремя уйти,
Уйти, пока режут трибуны,
И уступить дорогу юным,
Пока полжизни впереди.*

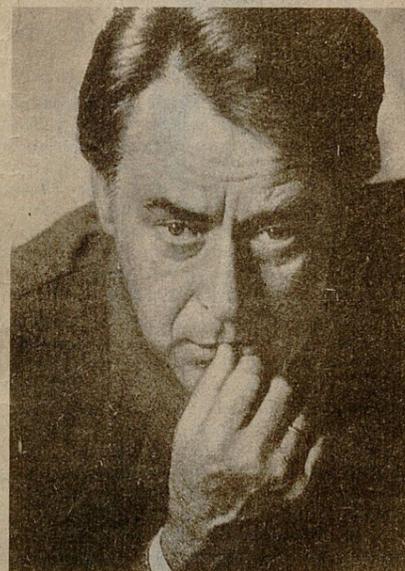
*На это надо много сил —
Уйти под горький ропот
судей,*

*Уйти, покуда не осудят
Те, кто вчера боготворил.*

(Андрей ДЕМЕНТЬЕВ)

С Андреем ДЕМЕНТЬЕВЫМ
беседует Ефим БЕРШИН

Фото Владимира БОГДАНОВА

мать, но эта ломка мне нравилась, она была для меня естественной, как естественно желание обновляться, чтобы жить. Потому я и сегодня вижу спасение журнала в обновлении, омоложении. К сожалению, меня не поняли. И это меня страшно огорчило. Подобное непонимание или нежелание понять я отношу вовсе не на счет взаимоотношений между сотрудниками редакции. Это было бы еще полбеды. Беда в том, что журнал не воспринимается как единый живой организм, болеющий всеми болезнями своего времени. И самая главная из них — болезнь перехода из одного времени в другое. Это всегда тяжело, как скажем, человеку, перелетающему из одного временного пояса в другой.

— А может, вы просто бросили тонущий корабль?

— Если говорить о материальной стороне дела, то корабль вовсе не тонущий. Нам удалось собрать вполне приличную по нынешним временам подписку — 140 тысяч и добыть достаточное количество миллионов рублей для того, чтобы не утонуть. Так что по инерции журнал еще будет выходить. Только вот что делать, когда инерционное движение закончится? И вообще мне кажется, что многие ссоры и неурядицы, которые прокатились волной и по Союзу писателей, и по коллективам многих редакций, из-

для того, чтобы сегодня играть первые роли, необходимо быть подлинными лидерами, личностями. Без этого лучше не брать на себя ответственность, потому что и сам пропадешь, и других погубишь. В последнее время ситуацию в нашей стране можно сравнить с той, когда Моисей выводил иудеев из Египта. Да, мы сейчас тоже идем через пустыню. Через пустыню карманов, через пустыню театральных залов и библиотек, через пустыню человеческих душ. Только вот с Моисеем у нас плохо.

— Как трудно быть самим собой в Отечестве, где все играли. Где если шли куда — толпой...

А я вспоминаю те же семидесятые. Включишь бывало телевизор «в день селесый мая», а там — Красная площадь, колонны демонстрантов и непременно Андрей Дементьев, читающий стихи. Складывался вполне определенный образ благополучного советского поэта, обласканного правительством. Так какой Дементьев подлинный? Тот, что сетует в стихах на то, что «все играли» и шли стройными колоннами, или тот, что читал этим колоннам стихи? Тот, который воплощал в жизнь горбачевскую гласность, или тот, чей социальный образ воплощал собой советское благополучие?

— И тот, и другой — подлинный. Я знаю, что у некоторой части элитарной интеллигенции отношение ко мне настроенное. А я был всегонавсего одним из многих, одним из 270 миллионов, с той лишь разницей, что я писал стихи, а они — нет. И когда у них был праздник, он был и у меня. Я провинциал и жил до переезда в Москву в стороне от большой литературной жизни, литературной политики. Согласен, провинция в то время, может быть, была бесприщипнее, но зато — добрее. Когда меня, романтика с провинциальной окраской, сразу же начали приглашать на выступления, участвовать в литературных вечерах да и на ту же Красную площадь, я считал, что попал на нескончаемый праздник любимой поэзии. Я никогда не писал верноподданнических стихов. Всегда был лириком. И почти всегда — оптимистом. Широко печатался. Но имелся при этом стихи, которые невозможно было опубликовать. Действительно, я о многом не задумывался. Был молод, здоров, любим и радовался жизни просто потому, что она — жизнь.

— Это, наверное, можно понять. Люди были ослеплены свободой. А теперь наступило похмелье.

— Но это же свобода разрушения! Многие восприняли свободу на уровне инстинкта.

— То есть вы хотите сказать, что, сами того не подозревая, они элементарно не были готовы к ней.

— Просто было завышенное представление о себе, которое, как выяснилось, не совпадает с их реальной ценностью. Но признаться в этом трудно, вот и спешат утвердиться, несмотря ни на что, переступая и через людей, и через здравый смысл. Повторяется история, происшедшая после семнадцатого года, когда вновь пришедшие к власти люди решили, что они боги, что они все могут, и дружно начали строить мост в никуда. Да еще и некачественный. Причем многие из тех, о ком я говорю, достаточно крепкие профессионалы и были хороши как исполнители.

— А сегодня колеса решили пересест за руль?

— Я никого не хочу унижить, но

Но я такой, какой есть. Я никогда не вышел бы на Красную площадь вместе с ними. Но знаю и другое: никогда не вышел бы против них. Лишь много позже начал понимать, что я наивный романтик, далеко отставший от своего собственного возраста и, повторяю, в силу обстоятельств своей долгой провинциальной жизни многое не понимавший или понявший слишком поздно.

— То есть вы стали жертвой несостоймости вашего представления о мире и тем, каким он является на самом деле?

— Получается, что так. И это тем более странно, что ведь и мои родители прошли лагерь. Я, правда, стараюсь об этом не распространяться. Ведь их страдания не делают меня лучше.

— Когда-то я сообразил: для того чтобы в нашей стране быть честным, нужно, во-первых, быть информированным, во-вторых, умным. Без информации и умения ее анализировать трудно быть безусловно честным, люди просто не понимали подчас, что творят.

— Это верно. Но есть ведь и элементарные нравственные категории. Можно было быть комсомольским вожаком, водить молодежь на субботники и поклоняться очередному Ильичу, не ведая, что он представляет или представлял собой на самом деле, но при этом не убивать, не закладывать товарищей, не быть жестоким.

— И вам сегодня ни за что не стыдно?

— Стыдно, конечно. Но ведь, думаю, чуть ли не всей стране должно быть стыдно. А тех, кто уверен, что жил безукоризненно честно, я побаиваюсь. Они на многое способны.

— Сегодня вы, как и раньше, просыпаетесь от радости?

— Сегодня я просыпаюсь от ужаса. Знаете, почему все-таки хватало сил перестроить журнал в середине восьмидесятых? Потому что это было время надежды. Это было прекрасное эйфорическое время. Теперь оно кончилось. Мы провалились в пропасть бездуховности, а это страшнее любых экономических неурядиц.

— Что вы намерены делать дальше? Или журнал вас никогда уже не отпустит?

— Что буду делать, еще не решил, хотя сидеть без дела не собираюсь. А журнал? Боюсь, действительно не отпустит. Слишком большую и, может быть, лучшую часть своей жизни я ему отдал. Мне страшно за него. И я очень хочу, чтобы он жил.

Таков Дементьев. Кому-то нравится, а кому-то — не очень. Кому-то помог, а кому-то, может, и насолил. Но главное дело своей жизни делал неплохо. Журнал. И какой журнал!

Когда мы беседовали, он был напряжен. Может быть, чуть более, чем ему свойственно, эмоционален. Журнал не отпускает. Он по-прежнему тенью стоит за спиной. Но именно — тенью. Его второе «я», его зеркало, как занавешенное, уже не будет отражать его, Дементьева, дела и мысли. В наше морозное время он остался один на перекрестке. Зябко.

А может, уляжется все потихоньку, успокоится? Его «Юность», конечно, навсегда останется с ним, а та, что будет выходить дальше, может, и не его уже вовсе? Другая? Посмотрим. А вообще он ведь еще очень молод, Дементьев. Вдруг чего и сотворит.